

Эволюция позиции КПК по национальному вопросу (1921—2021 гг.)

Иван Валерьевич Ставров,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: stavivan@yandex.ru

В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть эволюцию официальной позиции Китайской компартии от момента зарождения КПК и до настоящего времени. На курс партии влияли конкретные обстоятельства, поэтому с течением времени он претерпевал существенные изменения. На этапе организационного становления КПК предполагала сделать страну федеративным государством с правом сецессии республик (по советской модели). Придя к власти, коммунисты резко изменили свою позицию: отказались от построения федерации и перешли к созданию унитарного государства с разветвлённой системой районной национальной автономии. Такой подход облегчал управление национальными окраинами и позволил установить контроль над ними. Эпоха «большого скачка» и «культурной революции» стала для страны временем социальных потрясений. Позиция партии в национальном вопросе в данный период вытекала из сути проводимых социальных экспериментов: быстрое построение коммунизма не могло обойтись без ускоренного слияния национальностей, что на практике привело к фактическому запрету на национальную культуру. На рубеже 1970—1980-х гг. руководители Компартии стали возвращаться к практике 1950-х гг. В 1980-е гг. руководство КПК признало национальный вопрос стратегически важным для развития Китая. Было чётко определено, что национальные проблемы могут разрешаться постепенно, с учётом конкретно-исторической ситуации при условии уважения культуры меньшинств. Неханьские народы названы в государственных документах неотъемлемой частью китайской нации, гармоничное развитие которой поставлено в зависимость от качества межнациональных отношений в стране.

Ключевые слова: Китай, КПК, национальный вопрос, этнополитика, советская модель, районная национальная автономия, национальные меньшинства.

Evolution of the CCP's Stance on the National Question (1921–2021).

Ivan Stavrov, Institute of History, Archeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: stavivan@yandex.ru.

This paper attempts to examine the evolution of the official position of the Chinese Communist Party from its foundation to the present. The party line was influenced by specific circumstances, so over time it underwent significant changes. At the stage of organizational formation, the CPC's course was based on the "Soviet model" aimed at building a federal state with the right to secession of the republics. Having come to power, the communists abruptly changed their position: they refused to build a federation and went on to create a unitary state with an extensive system of regional national autonomy. This approach facilitated the management of the national remote areas and made it possible to establish control over them. The era of the Great Leap Forward and the Cultural Revolution became a time of social upheaval for the country. The party's stance on the "national question" during this period stemmed from the essence of the social experiments being carried out: the accelerated building of communism could not do without the accelerated merging of nationalities, which in practice led to the de facto ban on traditional culture. Between the 1970s and the early 1980s, the policy of the Communist Party returned to the practice of the 1950s. In the 1980s, the leadership of the Chinese Communist Party recognized the strategic importance of the "national question" for China's development. It was clearly defined that national problems could be gradually resolved taking into account the specific historical situation, provided that the culture of ethnic minorities was respected. The non-Han peoples have been proclaimed as an integral part of the Chinese nation which harmonious development is dependent on the quality of interethnic relations in the country.

Keywords: China, CPC, "national question", ethnopolitics, Soviet model, regional national autonomy, ethnic minorities.

ВВЕДЕНИЕ

В 2021 г. Коммунистическая партия Китая (КПК) отмечает столетний юбилей со дня основания. Это событие — хороший повод для того, чтобы обернуться назад и оценить роль компартии в вековой истории страны. За этот период, по историческим меркам не очень большой, Китай прошёл огромный путь от полуколониальной зависимости до одной из ведущих держав мира, от аграрной к индустриальной и отчасти постиндустриальной структуре экономики. Немалый путь прошла страна в сфере трансформации социальной структуры, развития культуры и межнациональных отношений. Именно КПК впервые в истории Китая сформулировала целостную политику в области национального вопроса, предоставления этническим меньшинствам основных экономических, политических и культурных прав.

Изучение взглядов КПК показывает её существенную трансформацию, что неудивительно: за столетие изменился Китай, изменилась и сама

компартия. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть эволюцию официальной позиции КПК от момента её зарождения и до настоящего времени. Эта цель будет достигнута через выделение нескольких основных этапов, на которых преобладали порой противоположные друг другу идеологические паттерны.

Историография вопроса огромна, поэтому в рамках настоящего обзора я выделяю лишь основные отличительные тенденции, присущие российской, китайской и западной исследовательской традиции. Первые отечественные работы в сфере изучения национального вопроса в Китае появились в 1930-е гг. XX в. Наиболее значимым является обзор Г.С. Кара-Мурзы «К постановке национального вопроса в Китае» [6]. Исследование было проведено в связи с развитием революционного движения, а также нарастающей экспансией Японии и Британии в Китае. Автор писал, что, «используя национальный вопрос, империализм прямо инспирирует „национальные восстания“ в целях прямого раздела Китая» [6, с. 46]. В частности, Япония, которая уже к моменту публикации оккупировала Маньчжурию, предприняла попытку (впоследствии успешную) по созданию во Внутренней Монголии марионеточного государства Мэнцзян (1937—1945). Национальный вопрос в Китае, по мнению исследователя, имел два измерения: во-первых, это «вопрос о национальном освобождении всего Китая от иностранного империализма»; во-вторых, это освобождение национальных меньшинств от угнетения ханьской «буржуазно-помещечьей верхушкой» [6, с. 48—49]. В статье поднимались вопросы о территориях компактного проживания некитайских народов (Внутренней Монголии, Северо-Запада и Юго-Запада страны) в контексте проблемы самоопределения национальностей, история восстаний малых народов против китайского господства, социально-экономического развития национальных окраин. Особое внимание уделялось принципам национальной политики КПК и в целом национальному вопросу в «советской революции Китая» [6, с. 119]. Г.С. Кара-Мурза отметил, что «большевистское разрешение национального вопроса в Китае ... означает признание права народов на государственное отделение» [6, с. 51]. Данное заключение вытекало как из идеологии и практики этнополитики в СССР, так и из курса Коминтерна в национально-колониальном вопросе [подробнее см.: 20, с. 36—40].

После образования КНР (1949 г.) в СССР появилась серия работ по изучаемой проблематике. Небольшая книга А.Г. Яковлева «Решение национального вопроса в КНР» [24] представляет обзор мероприятий китайского правительства в соответствующей сфере. В книге повествовалось об экономическом подъёме национальных районов, развитии в них системы образования и учреждений культуры. Большое значение придавалось правовым аспектам: равноправию неханьских народов, защите их культуры, традиций, а также созданию районной рациональной автономии. Несмотря на то, что районная национальная автономия — это явный отход от принципов «большевистского разрешения национального вопроса», требующего учреждения федерации и предоставления её субъектам

права сецессии, автор позитивно оценивал изменения курса КПК: «...опираясь на принципиальные положения марксистско-ленинской теории, на опыт СССР, Коммунистическая партия Китая творчески подходит к решению национального вопроса, учитывая соответствующие конкретно-исторические условия своей страны и применяя своеобразные формы и методы национального строительства» [24, с. 3—4]. Иную оценку институту районной национальной автономии дал Т.Р. Рахимов всего десятилетие спустя: он «в действительности является лишь ширмой для прикрытия политики насильственной ассимиляции» [16, с. 67].

Я неслучайно привёл по сути диаметрально противоположные оценки национальной политики КПК: именно в них проявилась основная тенденция советской историографии — следование в русле идеологического курса КПСС. В 1930-е гг. этот курс состоял в поддержке КПК на её пути к завоеванию власти. В свою очередь китайская компартия заимствовала установки ВКП(б) и Коминтерна в изучаемой сфере. 1950-е гг. стали «золотым веком» советско-китайской дружбы, поэтому советское правительство не обращало внимания на «творческое применение марксизма» в Китае. Однако резкое ухудшение двусторонних отношений в 1960-е гг. породило волну беспощадной критики идеологии и политической практики КПК. Лишь на рубеже 1980—1990-х гг. с исчезновением явного идеологического заказа исследования Китая приобрели более взвешенный характер.

В постсоветской историографии наиболее значимая и полная проработка истории и теории национальной политики КПК была предпринята коллективом под руководством А.А. Москалёва (ИДВ РАН). В серии монографий была представлена обоснованная периодизация истории национальной политики КПК, дана оценка изменяющейся позиции компартии в национальном вопросе (А.А. Москалёв), проанализирована политика китайского государства в отношении подготовки национальных кадров (Т.В. Лазарева), развития языков и письменности, обычаев неханьских народов (А.А. Москалёв), изучено экономическое развитие районов национальной автономии КНР (Д.А. Жоголев) [13; 14]. Оценивая этнополитику КПК после образования КНР, А.А. Москалёв пришёл к выводу, что «впервые в истории Китая неханьским национальностям страны был предложен комплекс гарантий их жизненных прав», а введённая унифицированная система районной автономии «впервые в истории Китая дала возможность центру установить единый контроль государства над всеми районами проживания неханьских национальностей» [13, с. 54, 70—71]. Таким образом, институт районной национальной автономии позволил сохранить и укрепить территориальную целостность страны.

Китайская историография представлена десятками тысяч публикаций¹: это анализ этнополитики, институтов по делам национальностей, экономического развития национальных районов, истории и культуры отдельных

¹ Только по запросу «中国少数民族» («национальные меньшинства Китая») база cnki.net (китайский аналог РИНЦ) выдала 15 720 наименований работ.

этнических меньшинств и др. Китайской историографии присущи две тенденции: во-первых, введение в научный оборот значительного объёма фактического материала по проблемам неханьских национальностей, социально-экономическому развитию районов национальной автономии, во-вторых, трактовка национальных проблем страны в значительной степени рассматривается под влиянием официальной идеологии [см., например: 36; 41]. Вторая тенденция с наибольшей силой проявилась в 1950—1970-е гг., на которые пришлись кампании «большого скачка» и «культурной революции». Следует отметить, что, несмотря на недопустимость критики партийного курса в национальном вопросе в целом, китайские авторы могут порой высказывать мнение по отдельным аспектам этнополитики, модернизации институтов по делам национальностей. Особенно это справедливо для начала 1980-х гг., когда происходил процесс «демаоизации» КНР [39]², а также для начала текущего столетия, со сменой очередного поколения руководства страны. Начиная с первых лет XXI в. в КНР проходит осторожная дискуссия в отношении содержания этнополитики и функций института районной национальной автономии [см., например: 28; 32; 37].

Западная историография богата по охвату поднимаемых проблем этнополитики КНР. Здесь и изучение отдельных национальных районов: Синьцзян (М. Диллон, М. Кларк), Тибет (М. Голдстейн), Внутренняя Монголия (Е. Булаг), и исследования отдельных национальностей: уйгуров, «уйгурского вопроса» (Д. Гладни, К. Маккеррас), и институтов государственного управления (Дж. Дрейер, Т. Хеберер, Дж. Лейболд) и др. В значительной мере западной научной традиции изучения национального вопроса в Китае присущ акцент на положение прав человека и воздействие политического режима на институт районной национальной автономии. По наблюдению Б. Саутмана, «западный дискурс о правах человека в Китае обычно предполагает, что закон о правах меньшинств... должен быть фикцией, потому что Китай — авторитарное государство» [30, р. 283]. Безусловно, оценки степени авторитарности системы «этнического управления» (ethnic governance) разнятся от относительно низкой (Т. Хеберер, Дж. Дрейер [25; 27]) до довольно высокой (Фань Кэ, Дж. Лейболд [26; 33]). Следует отметить, что приведённые оценки характерны для 1980—2000-х гг. Эпоха правления Мао Цзэдуна (конец 1950-х — 1976 г.) единогласно признаётся периодом разрушения системы «этнического управления» и тотального подавления прав человека (не только этнических меньшинств, но и всех граждан КНР).

В отечественной и зарубежной (китайской и западной) историографии сложился определённый консенсус в вопросе периодизации развития теории и практики этнополитики КПК. Первый этап длился от возникновения КПК до кануна образования КНР (1921—1949), характеризовался копированием советской модели (苏联模式, «сулянь моши») в национальном

² Термин не очень удачный, калька с советской «десталинизации». Отражает существенную переоценку идей Мао Цзэдуна на рубеже 1970—1980-х гг. — при переходе к политике реформ и открытости.

вопросе. На втором этапе (1949—1958) произошёл отход от слепого копирования «советской модели» и переход к формированию унитарного государства с реализованным институтом районной национальной автономии. Третий этап — «эпоха деструкции», по выражению А.А. Москалёва, — пришёлся на «большой скачок» и «культурную революцию» (1958—1976), когда были свёрнуты основные преобразования в национальной сфере: формальное отсутствие гарантий основных прав человека для неханьцев и превращение районной национальной автономии в фикцию. Современный, четвёртый, этап начался после смерти Мао Цзэдуна (1976) и длится до настоящего времени. В этот период произошёл возврат к теории и практике «национального строительства» 1950-х гг., были официально осуждены идеология и практики этнополитики периода «деструкции», позиция КПК обогатилась идеями Цзян Цзэмина, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИЦИИ КПК В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ (1921—1949)

Китай в начале XX в. вступил в эпоху больших перемен. Синьхайская революция привела к краху монархии, а последовавшая после этого борьба милитаристских клик за контроль над правительством и усилившееся давление иностранных держав, главным образом Японии, ввергли страну в хаос. Революционные события имели и другие последствия: отпадение национальных окраин. От китайской империи отделилась Внешняя Монголия, фактически независимым стал Тибет, а Синьцзян находился под номинальным контролем Пекинского правительства. В такой обстановке предстояло действовать новым, формирующимся акторам политического процесса: Гоминьдану и КПК.

Оформление КПК происходило при непосредственном участии представителей Советской России и Коминтерна на базе сформировавшихся в крупных городах, прежде всего Пекине и Шанхае, политических кружков социалистической направленности [5, с. 189—190]. Во многом благодаря этому, а также ввиду объективного отсутствия опыта и иных образцов КПК заимствовала «советскую модель» при становлении организационной структуры партии, а также основные идеологические паттерны.

В начале деятельности КПК на её позицию в национальном вопросе решающее воздействие оказала идеология Коминтерна. В частности, в резолюции II Конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам (1920) говорилось о необходимости построения подлинного равенства личности и национального равенства, что могло быть достигнуто лишь при «уничтожении классов». Также резолюция постановила, что «федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций» [20, с. 36—37]. Таким образом, федерация выступала в качестве промежуточного звена на пути к полному преодолению национального неравенства. Именно данная резолюция стала образцом

для специального постановления КПК по национальному вопросу, принятому на II съезде (16—23 июля 1923 г.): «Монголия, Тибет и „Мусульманский край“ (Хуэйцзян³) осуществят самоуправление и станут демократическими самоуправляющимися единицами; используя систему свободной федерации, объединить собственно Китай, Монголию, Тибет и Хуэйцзян и образовать Китайскую Федеративную Республику» [цит. по: 2, с. 146—147]. Таким образом, позиция КПК в национальном вопросе состояла в создании федерации, в которую вольются ставшие фактически независимыми Тибет, Синьцзян и Монголия.

Со второй половины 1920-х гг. XX в. положение КПК стало стремительно ухудшаться: после разрыва Единого фронта с Гоминьданом правительство националистов перешло к политике террора в отношении бывшего союзника. В данной ситуации коммунисты стали остро нуждаться в новых группах поддержки. Помимо беднейшего крестьянства, неханьские народы представляли в качестве дополнительной опоры коммунистов. Дело в том, что кроме территорий национальных окраин, присоединённых в основном в эпоху династии Цин (Монголия, Тибет, Синьцзян), на юге и юго-западе страны располагались ареалы проживания многочисленных этнических групп, таких как чжуаны, мяо-яо и др. Эти народы вытеснялись китайскими переселенцами в труднодоступные горные районы, начиная с эпохи династии Хань, а «туземные» правители стали представителями центральной администрации на местах. При этом эксплуатация неханьцев была существенно сильнее, чем китайцев, что нередко приводило к восстаниям [подробнее см.: 7; 8, с. 61—68]. Таким образом, среди неханьцев юго-запада страны были сильны антиханьские настроения.

Основные советские районы (контролируемые коммунистами территории) в основном располагались во «внутренних»⁴ регионах страны, однако на юге и юго-западе они примыкали местам проживания некоторых неханьских национальностей или включали их. Коммунистам периодически удавалось перевести антиханьские настроения в антиправительственные. Здесь примечателен пример деятельности Дэн Сяопина: в пров. Гуанси он смог подключить к революционной работе чжуанов, вступив в союз с местным вождём — Вэй Бацзюнем. Отряды чжуанов занимались экспроприациями земли и другого имущества у китайских крестьян и горожан, состояли в «красных» войсках [подробнее см.: 15, с. 96—98]. Вероятно, примеры такого сотрудничества были неединичными, о чём косвенно свидетельствует резолюция Исполкома Коминтерна (ИККИ) по китайскому вопросу (июнь 1930 г.): «...партия должна усилить свою работу среди национальных меньшинств. Партия должна добиться установления прочной связи и руководства мусульманским движением на севере Китая, национально-революционной борьбой во внутренней Монголии, борьбой

³ Хуэйцзян (回疆) — дословно «Мусульманская граница», «Мусульманский край», другое наименование Синьцзяна (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район).

⁴ 中国本部, *чжунго бэньбу* — «Внутренний (собственно) Китай», или «застенный Китай». Так по традиции именовались коренные территории проживания ханьцев.

корейских рабочих и крестьян Маньчжурии и племён мяо и яо на юге Китая. Вместе с тем, придавая огромное значение нарастающей революционной борьбе в Индокитае, партия должна расширять охват своим влиянием аннамитских масс, особенно в провинции Юньнань, Гонконге и Кантоне» [20, с. 277].

В 1930-е гг. получил развитие процесс советского строительства на контролируемых КПК территориях. На первую половину этого периода выпадает непродолжительная история Китайской Советской Республики (1931—1934), центр которой располагался в уезде Жуйцзинь пров. Цзянси. Накануне образования Республики в резолюции «Президиума ИККИ о задачах КП Китая» (26 августа 1931 г.) в разделе о национальной политике указывалось: «Советское правительство [Китая] должно провести большевистскую национальную политику в отношении национальных меньшинств на основе их полного равноправия и их права на самоопределение» [20, с. 306—307]. Данные указания отразились в резолюции I Всекитайского съезда советов (7 ноября 1931 г.) и в положениях «Основной конституционной программы Китайской Советской Республики» (принята в январе 1934 г.). В решении упомянутого съезда провозглашалось «право всех наций на самоопределение», под которым понималось право национальностей самим определять, «желают ли они выйти из состава Китайской Советской Республики и создать своё независимое государство, или же они желают войти в союз советских республик, или образовать автономную область в Китайской Советской Республике» [19, с. 440]. Ст. 14 Конституции юридически закрепляла это решение, а ст. 4 провозглашала основные политические, экономические и культурные права неханьских народов [18, с. 28, 31].

Таким образом, в годы становления КПК последовательно выступала за реализацию советского курса на самоопределение национальностей и создание федеративного государства. Следует отметить, что регионы Китайской Советской Республики занимали внутренние районы страны с небольшой долей этнических меньшинств, поэтому резолюции съездов и включение в конституцию разделов о праве на сецессию скорее выполняли пропагандистскую задачу.

Во второй половине 1930-х гг. резко изменяется международное положение Китая: в 1937 г. начинается полномасштабная Японо-китайская война. Япония использовала лозунг о самоопределении в целях создания марионеточных государств на территории Китая. Помимо Маньчжоу-го, такое государственное образование было создано во Внутренней Монголии (Мэнцзян), в Нанкине (режим Ван Цзинвэя). Находясь в состоянии войны, Гоминьдан и КПК вынуждены были пойти на примирение и восстановить Единый фронт. В рамках межпартийного сотрудничества КПК согласилась с руководством Гоминьдана о необходимости снять лозунг национального самоопределения. На VI расширенном пленуме ЦК КПК осенью 1938 г. Мао Цзэдун провозгласил три основных принципа национальной политики КПК: «равноправие [национальностей]»,

«самоуправление», «объединение» [13, с. 16]. Таким образом, акцент делался на объединении всех народов для отпора врагу.

К концу Японо-китайской войны отношения между союзниками по Единому фронту стали накаляться. Все явственнее проявлялся вопрос о будущем государственном устройстве страны. В этих условиях с 23 апреля по 11 июня 1945 г. в Яньане (пров. Шэньси) состоялся VII съезд КПК. В знаменитом докладе «О коалиционном правительстве» (24 апреля 1945 г.) Мао Цзэдун сказал, что программа партии «требует улучшить обхождение с национальными меньшинствами в стране, позволить всем национальным меньшинствам воспользоваться правом на самоопределение, а также правом образования совместно с ханьской нацией, основываясь на принципе добровольности, федеративного государства» [цит. по: 13, с. 17]⁵. Возвращение идеи самоопределения и федерации в идеологический арсенал КПК, очевидно, являлось важной частью борьбы за поддержку населения национальных окраин (это более 60% территории современной КНР).

Таким образом, в начальный период позиция КПК в национальном вопросе следовала в русле указаний Коминтерна и копировала опыт СССР. Это было связано как с отсутствием опыта политической деятельности, так и с результатами тактики Компартии для завоевания власти в стране. По этим причинам установки в национальной политике в значительной мере носили декларативный характер, и многие из них были отброшены при провозглашении КНР.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ КПК (1950-е гг.)

Накануне провозглашения КНР (7 сентября 1949 г.) Чжоу Эньлай, член политбюро ЦК КПК и в ближайшем будущем премьер Госсовета КНР, выступил с докладом «Некоторые проблемы Народного Политического Консультативного Совета»⁶. В докладе указывалось, что, несмотря на наличие у народов Китая права на самоопределение, создание федерации нецелесообразно: «Относительно системы государства есть ещё один вопрос, а именно: будет ли наше государство иметь характер многонациональной федерации... Здесь главная проблема в том, будет ли национальная политика ориентироваться на автономию, или же выйдет за рамки автономии. Мы стоим за национальную автономию». И далее: «Нам нужно... сплотить все национальности в одну большую семью, пресечь империалистическое провоцирование раскола» [цит. по: 14, с. 36].

⁵ В издаваемых с 1950-х гг. трудах Мао Цзэдуна фразы о самоопределении и федерации были убраны или заменены на «национальную автономию» [ср.: 10, с. 305; 13, с. 174, прим. 25; 22, с. 207]. Это нередкая практика в КНР, когда при переизданиях в тексты документов вносятся «редакции» [см. подробнее: 4].

⁶ Народный Политический Консультативный Совет Китая (НПКСК) в 1949 г. выступил в качестве учредительного собрания, на котором были приняты временная конституция (Общая программа НПКСК) и ряд основополагающих законов. Также НПКСК утвердил состав Центрального народного правительства (ЦНП).

В приведённом документе осторожно представлена новая позиция КПК в национальном вопросе: отход от идеи федерации и утверждение унитаризма. Очевидно, что политическое решение уже было принято. В докладе «Характерные черты проекта Общей программы НПКС Китая», сделанном Чжоу Эньлаем 22 сентября во время работы I сессии НПКСК (21—30 сентября 1949 г.), уже чётко говорилось, что «статьи Общей программы [НПКСК] ясно предусматривают местную автономию для национальных меньшинств» [23, с. 471]. Таким образом, КНР провозглашалась в качестве унитарного государства, а национальные меньшинства в местах компактного проживания образовывали районы национальной автономии различной степени.

Отход от идеи федеративного устройства, вероятно, был обусловлен несколькими причинами: во-первых, как отмечалось выше, институт районной национальной автономии позволил китайскому государству установить контроль над основными районами проживания неханьцев. Во-вторых, конкретно-историческая ситуация в Китае существенно отличалась от ситуации в СССР, где провозглашение федерации во многом стало компромиссным решением для центра и национальных окраин. В-третьих, доля этнических меньшинств относительно всего населения КНР была сравнительно невелика (на момент провозглашения Нового Китая — около 6% [11, с. 489]), что в условиях консолидации власти в руках КПК делало бесперспективными попытки сопротивления.

Позиция КПК по исследуемой проблеме не ограничивалась лишь вопросом о форме государственного устройства. Неханьские национальности, согласно Общей программе НПКСК (действовала с 1949 по 1954 г.) и Конституции КНР (1954 г.), обладали всеми основными гражданскими правами, а также правом развития традиционной культуры, использования национальных языков, преференциями при трудоустройстве, получении образования и занятии должности в государственном аппарате в районах национальной автономии [подробнее см.: 14, с. 37—46].

Особое внимание лидеры КПК уделяли борьбе с великоханьским шовинизмом. Преодоление этого явления составляло важную часть национальной работы, так как причиной дискриминации неханьцев был китаеццентризм, складывающийся на протяжении более чем двух с половиной тысяч лет. В упомянутом докладе Чжоу Эньлая от 22 сентября 1949 г. говорилось о необходимости борьбы с проявлениями «великоханьского шовинизма и узкого национализма (т.е. национализма неханьцев. — И.С.) в большой семье национальностей» [23, с. 471]. При этом в докладах партийных лидеров, а также в материалах VIII съезда КПК (15—27 сентября 1956 г.) акцент ставился на «великонациональном национализме» [11, с. 98—99, 353; 12, с. 54]. В 1957 г. Мао Цзэдун в работе «О правильном разрешении противоречий внутри народа» подчёркивал: «Ключевым моментом... является преодоление великоханьского шовинизма. Одновременно преодолевать необходимо и местный национализм в среде тех национальностей, у которых он существует» [11, с. 489].

Таким образом, в первые годы после образования КНР политика КПК была направлена на укрепление территориальной целостности страны и недопущение сепаратизма национальных окраин путём установления унитарного характера государственности. Достижению этой цели во многом способствовали мероприятия государства, предпринимаемые для защиты прав неханьцев и преодоления великонационального шовинизма, что позволяло сглаживать исторически сложившиеся межнациональные противоречия.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПЕРИОД «ДЕСТРУКЦИИ» (1958—1976)

Курс КПК во внутренней политике существенно «полевел» к концу 1950-х гг. Развёрнутая в 1956 г. кампания «двух сотен»⁷ была неожиданно закрыта в середине 1957 г., а с осени того же года началась кампания «исправления стиля» (整风, *чжэнфэн*), фактически представляющая собой чистку партаппарата и интеллигенции. На состоявшемся 23 сентября 1957 г. расширенном пленуме ЦК КПК Дэн Сяопин, занимавший пост генерального секретаря ЦК КПК, выступил с докладом «О движении за упорядочение стиля работы». В речи проявились новые акценты курса КПК в национальном вопросе: «Раньше мы делали упор на борьбу против великоханьского шовинизма... Мы и в дальнейшем будем решительно бороться против великоханьского шовинизма. Однако в настоящее время также необходимо среди кадровых работников национальных меньшинств *сделать упор на борьбу против тенденций местного национализма* (курсив мой. — *И.С.*)» [3, с. 41—42].

Смещение акцентов в сторону борьбы с «местным национализмом» стало частью политики «большого скачка» (1958—1960), направленной на форсированное построение коммунизма в стране. Если в экономике это выразилось в раздувании капитального строительства, увеличении числа народных коммун с полным обобществлением имущества их членов, то в национальном вопросе привело к внедрению политики слияния национальностей. Так её обосновывали в прессе национальных районов («Синьцзян жибао», март 1960 г.): «это слияние [национальностей] является марксистской и коммунистической ассимиляцией... Кто выступает против такой ассимиляции, тот выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма» [цит. по: 13, с. 161].

Курс на слияние национальностей — это не только продолжение традиционного китаецентризма. Теоретически он связан с марксистско-ленинским пониманием развития межнациональных отношений при строительстве социализма. В частности, В.И. Ленин в работе

⁷ Кампания «Пусть расцветут сто цветов, пусть соперничают сто школ», коротко «две сотни». Развёрнутая ЦК КПК кампания усиления гласности и развития плюрализма (1956—1957).

«Социалистическая революция и право наций на самоопределение» писал: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их» [9, с. 256]. И далее: «К слиянию наций ведёт только освобождение угнетённых наций, подлинное искоренение национального угнетения» [9, с. 457]. Таким образом, ленинский подход предполагал постепенный процесс искоренения различных форм угнетения и эксплуатации, и лишь в результате таких изменений должно было произойти стирание национальных различий. Однако в Китае, видимо, считали, что если можно быстро достичь коммунизма путём мобилизации народных масс, то такими же методами можно добиться и ликвидации этнических различий.

В КНР периода «деструкции» стремление к слиянию национальностей приняло уродливые формы, фактически перечеркнув «национальную работу» предшествующего времени. В национальных районах запрещалось исповедовать традиционные религии и отправлять культы, преподавать и издавать литературу на языках неханьцев. В эпоху «культурной революции» (1966—1976) было разрушено множество памятников архитектуры, уничтожались скульптуры, книги, художественные полотна и т.п. Национальные кадры — *ганьбу* — подвергались репрессиям, их доля в госаппарате сократилась [31, с. 116—118]. В конце указанного периода из принятой в 1975 г. новой конституции, состоявшей всего из 30 статей, были исключены положения, касающиеся развития языков и письменностей национальных меньшинств, регулирования на местном уровне финансовой деятельности. В ней отсутствовали указания о запрете национальной дискриминации и т.п. Национальный вопрос стал рассматриваться как вопрос классовый [подробнее см.: 14, с. 56—71].

Растущая дискриминация национальных меньшинств, разрушение их традиционных устоев приводили к сопротивлению неханьцев. Так, ещё в период «большого скачка», спасаясь от голода и притеснений, на территорию СССР перешла многотысячная группа уйгуров. Во время «культурной революции» в пров. Хубэй в 1967 г. были зафиксированы восстания неханьцев, а в 1975 г. произошёл случай полномасштабного, хотя и кратковременного, выступления хуэй в пров. Юньнань [29, с. 24]. Смерть Мао Цзэдуна и смена правящей группы снизили степень напряжённости в стране, что позитивно повлияло как на социально-экономическое развитие, так и на этнополитическую ситуацию в КНР.

КУРС КПК В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (1980-е — НАЧАЛО XXI в.)

Первые изменения курса КПК в отношении национального вопроса произошли в докладе Хуа Гофэна XI съезду партии (22 августа 1977 г.). Председатель ЦК КПК сказал, что необходимо «наладить работу с национальными

меньшинствами и приграничными районами», «вращивать коммунистическое сознание у национальных кадровых работников, серьёзно проводить социалистическую революцию и социалистическое строительство в районах проживания национальных меньшинств» [35]. Также в докладе прозвучали установки 1950-х гг. на борьбу с великонациональным и местным национализмом и улучшение межэтнических отношений.

Рубеж 1970—1980-х гг. стал периодом выбора стратегии дальнейшего развития КНР, поэтому на страницах партийной печати могли появиться материалы, в которых критиковались некоторые деструктивные установки в национальной политике прошлого периода. Так, в статье члена политбюро ЦК КПК Улаанху, опубликованной в главном партийном журнале «Хунци» («Красное знамя»), политика периода «культурной революции» по принудительной ассимиляции национальностей осуждалась и сравнивалась с неуместной практикой, которой придерживались феодальные правители. Автор призывал к немедленным изменениям в этнополитике, включая усиление автономии, увеличение ассигнований на национальные районы и активную подготовку научных, технических кадров и квалифицированных рабочих из национальных меньшинств [39]. Статья в «Жэньминь жибао» обвиняла «банду четырёх»⁸ в установлении «феодално-фашистской диктатуры» в национальных районах. Также в ней говорилось, что «существование классов намного короче, чем существование национальностей... После отмирания первых последние будут существовать ещё долгое время» [38]. Таким образом, эти и другие подобные публикации подготавливали население страны к пересмотру партией постулатов внутренней политики предшествующего периода.

На состоявшемся 27 июня 1981 г. VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва было единогласно принято знаменитое «Решение ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР». Настоящий документ провозглашал основной социальной проблемой «противоречие между возрастающими материальными и культурными потребностями народа и отсталым общественным производством» [17, с. 80]. Таким образом классовые противоречия перестали являться основными общественными проблемами, а национальный вопрос больше не рассматривался в качестве классового. В «Решении» осуждались практики «культурной революции» в национальном вопросе, заявлялось о необходимости улучшать межнациональные отношения и т.п. [17, с. 85—86].

Большое значение для изучения позиции КПК в этнополитике имел доклад генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана XII съезду партии (1—11 сентября 1982 г.). Он подтвердил принятые ещё на VIII съезде КПК принципы национальной политики. Было отмечено, что «ЦК партии выработал немало политических установок, благоприятствующих развитию

⁸ Группа высших руководителей КПК, выдвинувшихся в период «культурной революции»: Цзян Цин, Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань.

экономики и культуры в районах нацменьшинств, осуществлению прав национальных меньшинств на районную автономию». Главным положением доклада, касавшимся национальных проблем, является оценка их как стратегического вопроса, затрагивающего «судьбу всего государства» [1, с. 54]. Такая оценка национальной проблемы была дана ввиду её взаимосвязи с сохранением территориальной целостности страны и в целом с гармоничным социально-экономическим развитием Китая.

Последний тезис получил особенное осмысление в докладах нового руководителя партии Цзян Цзэминя (1989—2002). Процесс модернизации Китая он рассматривал в неразрывной связи с социально-экономическим развитием территорий компактного проживания этнических меньшинств: «от социально-экономического развития нацменьшинств и нацрайонов непосредственно зависит успех всей нашей модернизации» [21, с. 207]. Решение межнациональных противоречий Цзян Цзэминь считал возможным при выполнении пяти условий: 1) преодоление различий в уровнях социально-экономического развития национальных районов; 2) разрешение противоречий между национальностями, главным образом в экономической сфере; 3) уважение к национальной культуре со стороны других этнических групп, в первую очередь ханьцев; 4) внимательное отношение к вопросам вероисповедания — в связи с переплетённостью национального и религиозного вопросов; 5) пресечение незаконных действий со стороны отдельных лиц внутри страны и «международных враждебных сил». Лишь в случае сплочения национальностей можно «...создать прочную гарантию дела социалистической модернизации и политики реформ и открытости» [21, с. 206].

При последователях Цзян Цзэминя — Ху Цзиньтао и Си Цзиньпине — «национальная» повестка стала подниматься реже. Ху Цзиньтао в речи на рабочей конференции ЦК КПК по делам национальностей (27 мая 2005 г.) лишь обобщил основные принципы КПК в данном вопросе, сложившиеся к началу XXI в., дополнив их риторикой о необходимости построения «гармоничного общества» [34]. При Си Цзиньпине усиление национальной автономии, национального равенства получило связь с идеями укрепления «китайской нации» (*中华民族, чжунхуа миньцзу*) и «управления страной в соответствии с законом». Первостепенное внимание уделено социально-экономическому развитию национальных районов, в особенности стратегии развития Запада, всестороннему построению общества «малого достатка» (*сяокан*), поднятию уровня социального обслуживания и в целом улучшению материальных условий жизни неханьцев. Позиция КПК также была дополнена требованием строительства сообщества «китайской нации» (*чжунхуа миньцзу*). Отдельно подчёркивалось, что «китайская культура включает культуру 56 национальностей, а китайская цивилизация создана усилиями всех народов страны» [40]. Национальная политика в последнее время всё более нацелена на формирование *чжунхуа миньцзу* как супернации всех народов КНР, активно делается акцент на «единой

судьбе» всех национальностей и зависимости успешного развития Китая от соответствующих изменений в районах национальной автономии.

Таким образом, после «десятилетия смуты», как официально был назван данный этап истории страны [17, с. 37], КПК не только восстановила основные принципы этнополитики, сформулированные в 1950-х гг., но и дополнила их новым, актуальным содержанием, направленным на конструктивное и гармоничное развитие межнациональных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За столетие Коммунистическая партия Китая прошла непростой путь в решении национального вопроса. На политический курс влияли конкретные обстоятельства, поэтому с течением времени он претерпевал изменения. На этапе организационного становления курс КПК соответствовал «советской модели» и был направлен на построение в Китае федеративного государства с правом сецессии советских республик. Придя к власти, коммунисты резко изменили свою позицию: они отказались от федеративной модели и перешли к созданию унитарного государства с разветвлённой системой районной национальной автономии. Такой подход облегчал управление национальными окраинами и позволял установить контроль над ними. Решение национального вопроса при таком государственном устройстве являлось большим шагом вперёд в защите основных прав неханьских народов, которые впервые в истории Китая получили чётко определённые права на сохранение своего языка и культуры, возможность участвовать в работе органов государственной власти всех ступеней, а также преференции в автономных районах.

Эпоха «большого скачка» и «культурной революции» стала для страны временем «левацких» социальных экспериментов, которые завершились голодом, разрушением хозяйства, ростом недовольства среди этнических меньшинств. Позиция партии в национальном вопросе в данный период была обусловлена характером этих экспериментов: ускоренное построение коммунизма не могло обойтись без быстрого слияния национальностей, что на практике привело к фактическому запрету на национальную культуру.

На рубеже 1970—1980-х гг., со сменой поколений руководителей, курс КПК вернулся к практике 1950-х гг. В 1980-е гг. власть признала стратегически важное значение национального вопроса для развития Китая. Было чётко установлено, что национальные проблемы могут разрешаться постепенно, с учётом конкретно-исторической ситуации, при условии уважения культуры национальных меньшинств. Неханьские народы были определены как неотъемлемая часть китайской нации, гармоничное развитие которой поставлено в зависимость от качества межнациональных отношений в стране.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая: документы. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1982. 186 с.
2. Богословский В.А., Москалёв А.А. Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М.: Наука, 1984. 263 с.
3. Дэн Сяопин. О движении за упорядочение стиля работы. Доклад на 3-м расширенном пленуме ЦК КПК 8-го созыва 23 сентября 1957 года. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. 61 с.
4. Иванов С.А. Победителей не судят: источники о генезисе и начальном этапе китайских реформ // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 29. С. 51—70.
5. История международного коммунистического движения / пер. с кит. М.: Весь мир, 2016. 472 с.
6. Кара-Мурза Г.С. К постановке национального вопроса в Китае // Проблемы Китая. 1934. № 13. С. 46—140.
7. Ларин В.Л. Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая в 50—70-х годах XIX века. М.: Наука, 1986. 260 с.
8. Ларин В.Л. Юго-Западный Китай во второй половине XVII — 70-х годах XIX в.: проблемы региональной истории. М.: Наука: Вост. лит., 1994. 335 с.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. литературы, 1969. Т. 27. 643 с.
10. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1969. Т. III. 377 с.
11. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1977. Т. V. 637 с.
12. Материалы VIII всекитайского съезда коммунистической партии Китая. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 536 с.
13. Москалёв А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949—1999). М.: Памятники исторической мысли, 2001. 224 с.
14. Москалёв А.А., Жоголев Д.А., Пузицкий Е.В., Лазарева Т.В. Национальный вопрос в КНР (1949—1994 гг.). М.: ИДВ РАН, 1996. 395 с.
15. Панцов А.В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. 558 с.
16. Рахимов Т.Р. Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэдуна. М.: Мысль, 1968. 119 с.
17. Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1981. 134 с.
18. Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики. 1931—1934. М.: Наука, 1977. 142 с.
19. Советы в Китае. Сб. материалов и документов. М.: Партийное изд-во, 1934. 524 с.
20. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая: сб. документов / под ред. П. Мифа. М.: Издание ин-та МХ и МП, 1934. 395 с.
21. Цзян Цзэминь. Избранное. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2010. Т. 1. 769 с.
22. Цогту О. (Акира Оно). Трагедия степи: Внутренняя Монголия под властью Мао Цзэдуна. СПб.: ИП А.А. Терентьев, 2020. 334 с.
23. Чжоу Эньлай. Избранные произведения. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1981. Т. 1. 564 с.
24. Яковлев А.Г. Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 112 с.
25. Dreyer J.T. China's Minority Peoples // Humboldt Journal of Social Relation. 1993. Vol. 19. No. 2. P. 331—358.

26. Fan Ke. Representation of Ethnic Minorities in Socialist China // *Ethnic and Racial Studies*. 2016. Vol. 39. Iss. 12. P. 2091—2107.
27. Heberer Th. *China and Its National Minorities: Autonomy or Assimilation*. London; New York: Routledge, 1989. 165 p.
28. Ma Rong. Reflections on the Debate on China's Ethnic Policy: My Reform Proposals and Their Critics // *Asian Ethnicity*. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 237—246.
29. Mackerras C. *China's Ethnic Minorities and Globalization*. London; New York: RoutledgeCurzon, 2003. 216 p.
30. Sautman B. Ethnic Law and Minority Rights in China: Progress and Constraints // *Law & Policy*. 1999. Vol. 3. No. 3. P. 283—314.
31. Sautman B. Preferential Policies for Ethnic Minorities in China: The Case of Xinjiang // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1998. Vol. 4. Iss. 1—2. P. 86—118.
32. Sun Yan. Debating Ethnic Governance in China // *Journal of Contemporary China*. 2019. Vol. 28. Iss. 115. P. 118—132.
33. Zhao Taotao, Leibold J. Ethnic Governance under Xi Jinping: The Centrality of the United Front Work Department & Its Implications // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29. Iss. 124. P. 487—502.
34. 胡锦涛在中央民族工作会议上的讲话 = Выступление Ху Цзиньтао на рабочей конференции ЦК КПК по делам национальностей. URL: http://guoqing.china.com.cn/2012-09/11/content_26748351.htm (дата обращения: 10.06.2020).
35. 华国锋. 在中国共产党第十一次全国代表大会上的政治报告 (22.08.1977) = Хуа Гофэн. Политический доклад XI всекитайскому съезду КПК (22.08.1977) // *人民日报*. 1977. 23 авг. С. 1.
36. 金炳镐, 肖锐. 中国民族政策与朝鲜族 = Цзинь Бингао, Сяо Жуй. Национальная политика Китая и корейцы. Пекин: 中央民族大学出版社, 2011. 229 с.
37. 马戎. 族群, 民族国家构建: 当代中国民族问题 = Ма Жун. Этничность, национальность и национальное строительство: этнические проблемы в современном Китае. Пекин: 社会科学文献出版社, 2012. 389 с.
38. 平所谓“民族问题的实质是阶级问题” = К оценке так называемого [тезиса] «Существование национального вопроса — классовый вопрос» // *人民日报*. 1980. 15 июля. С. 5.
39. 乌兰夫. 重读周总理在青岛民族工作座谈会上的讲话—纪念周总理诞辰八十二周年 = Уланьфу (Улаанху). Перечитывая речь премьера Чжоу на совещании по национальной работе в Циндао (К 82-й годовщине со дня рождения премьера Чжоу) // *红旗*. 1980. № 5. С. 12—16.
40. 中共中央印发“关于加强和改进新形势下民族工作的意见” = ЦК КПК и Госсовет опубликовал «Мнения относительно укрепления и совершенствования национальной работы в новых условиях». URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-12/22/content_2795155.htm (дата обращения: 10.03.2021).
41. 中国民族关系史纲要/翁独健主编. 2版 = Очерки истории межэтнических отношений в Китае / под. ред. Вэн Дуцзяня. 2-е изд. Пекин: 中国社会科学出版社, 2001. 882 с.

REFERENCES

1. *XII Vsekitayskiy s'ezd Kommunisticheskoy partii Kitaya: dokumenty* [The 12th National Congress of the Chinese Communist Party: Proceedings]. Beijing, Izd-vo lit. na inostr. yaz. Publ., 1982, 186 p. (In Russ.)
2. Bogoslovskiy V.A., Moskalev A.A. *Natsional'nyy vopros v Kitae (1911—1949)* [The National Question in China (1911—1949)]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 262 p. (In Russ.)
3. Deng Xiaoping. *O dvizhenii za uporyadochenie stilya raboty. Doklad na 3-m rasshirennom plenumе TsK KPK 8-go sozyva 23 sentyabrya 1957 goda* [On the Rectification Movement. The Report to the Third Extended Plenum of the 8th Central Committee

- of the Communist Party of China on September 23, 1957]. Beijing, Izd-vo lit. na inostr. yaz. Publ., 1957, 61 p. (In Russ.)
4. Ivanov S.A. Pobeditely ne sudyat: istochniki o genezise i nachal'nom etape kitayskikh reform [Winners Don't Make Excuses: Sources on the Genesis and Initial Stage of Chinese Reforms]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2020, vol. 29, pp. 51—70. (In Russ.)
  5. *Istoriya mezhdunarodnogo kommunisticheskogo dvizheniya* [History of the International Communist Movement]. Translated from Chinese. Moscow, Ves' mir Publ., 2016, 472 p. (In Russ.)
  6. Kara-Murza G.S. K postanovke natsional'nogo voprosa v Kitae [Towards the Posing of the National Question in China]. *Problemy Kitaya*, 1934, no. 13, pp. 46—140. (In Russ.)
  7. Larin V.L. *Povstancheskaya bor'ba narodov Yugo-Zapadnogo Kitaya v 50—70-kh godakh XIX veka* [The Insurrectionary Struggle of the Peoples of Southwest China in the 50s — 70s of the 19th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1986, 260 p. (In Russ.)
  8. Larin V.L. *Yugo-Zapadnyy Kitay vo vtoroy polovine XVII — 70-kh godakh XIX v.: problemy regional'noy istorii* [Southwest China from the Second Half of the 17th Century until the 70s of the 19th Century: Problems of Regional History]. Moscow, Nauka, Vost. lit. Publ., 1994, 335 p. (In Russ.)
  9. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. The 5th Edition. Moscow, Izd-vo polit. literatury Publ., 1969, vol. 27, 643 p. (In Russ.)
  10. Mao Zedong. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Beijing, Izd-vo lit. na inostr. yaz. Publ., 1969, vol. 3, 377 p. (In Russ.)
  11. Mao Zedong. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Beijing, Izd-vo lit. na inostr. yaz. Publ., 1977, vol. 5, 637 p. (In Russ.)
  12. *Materialy VIII vsekитайского s'ezda kommunisticheskoy partii Kitaya* [Proceedings of the 8th National Congress of the Chinese Communist Party]. Moscow, Gos. izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1956, 536 p. (In Russ.)
  13. Moskalev A.A. *Teoreticheskaya baza natsional'noy politiki KNR (1949—1999)* [The Theoretical Basis of the National Policy of the PRC (1949—1999)]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2001, 224 p. (In Russ.)
  14. Moskalev A.A., Zhogolev D.A., Puzitskiy E.V., Lazareva T.V. *Natsional'nyy vopros v KNR (1949—1994 gg.)* [The National Question in the PRC (1949—1994)]. Moscow, IDV RAN Publ., 1996, 395 p. (In Russ.)
  15. Pantsov A.V. *Den Syaopin* [Deng Xiaoping]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2013, 558 p. (In Russ.)
  16. Rakhimov T.R. *Natsionalizm i shovinizm — osnova politiki gruppy Mao Tzeduna* [Nationalism and Chauvinism are the Basis of the Policy of the Mao Zedong's Group]. Moscow, Mysl' Publ., 1968, 119 p. (In Russ.)
  17. *Reshenie po nekotorym voprosam istorii KPK so vremeni obrazovaniya KNR* [The Decision on Some Issues of the History of the CCP since the Formation of the PRC]. Beijing, Izd-vo lit. na inostr. yaz. Publ., 1981, 134 p. (In Russ.)
  18. *Sovetskie rayony Kitaya. Zakonodatel'stvo Kitayskoy Sovetskoy Respubliki. 1931—1934* [Soviet Regions of China. Legislation of the Chinese Soviet Republic. 1931—1934]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 142 p. (In Russ.)
  19. *Sovety v Kitae. Sb. materialov i dokumentov* [Soviets in China. Collection of Materials and Documents]. Moscow, Partiynoe izd-vo Publ., 1934, 524 p. (In Russ.)
  20. *Strategiya i taktika Kominterna v natsional'no-kolonial'noy revolyutsii na primere Kitaya: sb. dokumentov* [The Strategy and Tactics of the Comintern in the National-Colonial Revolution on the Example of China: Collection of Documents]. Ed. by P. Myth. Moscow, Izdanie in-ta MKh & MP Publ., 1934, 395 p. (In Russ.)
  21. Jiang Zemin. *Izbrannoe* [Selected Works]. Beijing, Izd-vo lit. na inostr. yaz. Publ., 2010, vol. 1, 769 p. (In Russ.)

22. Tsogtu O. (Akira Ono). *Tragediya stepi: Vnutrennyaya Mongoliya pod vlast'yu Mao Tszeduna* [The Tragedy of the Steppe: Inner Mongolia by Mao Zedong's Rule]. Saint Petersburg, IP A.A. Terent'ev Publ., 2020, 334 p. (In Russ.)
23. Zhou Enlai. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Beijing: Izd-vo lit. na inostr. yaz. Publ., 1981, vol. 1, 564 p. (In Russ.)
24. Yakovlev A.G. *Reshenie natsional'nogo voprosa v Kitayskoy Narodnoy Respublike* [Ratification of the National Question in the People's Republic of China]. Moscow, Izd-vo vost. lit. Publ., 1959, 112 p. (In Russ.)
25. Dreyer J.T. China's Minority Peoples. *Humbolt Journal of Social Relation*, 1993, vol. 19, no. 2, pp. 331—358. (In Eng.)
26. Fan Ke. Representation of Ethnic Minorities in Socialist China. *Ethnic and Racial Studies*, 2016, vol. 39, iss. 12, pp. 2091—2107. (In Eng.)
27. Heberer Th. *China and Its National Minorities: Autonomy or Assimilation*. London, New York, Routledge Publ., 1989, 165 p. (In Eng.)
28. Ma Rong. Reflections on the Debate on China's Ethnic Policy: My Reform Proposals and Their Critics. *Asian Ethnicity*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 237—246. (In Eng.)
29. Mackerras C. *China's Ethnic Minorities and Globalization*. London, New York, RoutledgeCurzon Publ., 2003, 216 p. (In Eng.)
30. Sautman B. Ethnic Law and Minority Rights in China: Progress and Constraints. *Law & Policy*, 1999, vol. 3, no. 3, pp. 283—314. (In Eng.)
31. Sautman B. Preferential Policies for Ethnic Minorities in China: The Case of Xinjiang. *Nationalism and Ethnic Politics*, 1998, vol. 4, iss. 1—2, pp. 86—118. (In Eng.)
32. Sun Yan. Debating Ethnic Governance in China. *Journal of Contemporary China*, 2019, vol. 28, iss. 115, pp. 118—132. (In Eng.)
33. Zhao Taotao, Leibold J. Ethnic Governance under Xi Jinping: The Centrality of the United Front Work Department & Its Implications. *Journal of Contemporary China*, 2020, vol. 29, iss. 124, pp. 487—502. (In Eng.)
34. 胡锦涛在中央民族工作会议上的讲话 [Hu Jintao's Speech at the CCP's Central Ethnic Work Conference]. Available at: http://guoqing.china.com.cn/2012-09/11/content_26748351.htm (accessed 10.06.2020). (In Chin.)
35. 华国锋。在中国共产党第十一次全国代表大会上的政治报告 (22.08.1977) [Hua Guofeng. Political Report to the 11th National Congress of the Communist Party of China]. *人民日报*, August 23, 1977, p. 1. (In Chin.)
36. 金炳镐, 肖锐。中国民族政策与朝鲜族 [Jin Binggao, Xiao Rui. China's Ethnic Policy and the Koreans]. Beijing, 中央民族大学出版社 Publ., 2011, 229 p. (In Chin.)
37. 马戎。族群, 民族国家构建: 当代中国民族问题 [Ma Rong. Ethnicity, Nationality and Nation-Building: Ethnic Issues in Contemporary China]. Beijing, 社会科学文献出版社 Publ., 2012, 389 p. (In Chin.)
38. 平所谓“民族问题的实质是阶级问题” [On the Appraisal of the Thesis “The National Question Is Essentially a Class Question”]. *人民日报*, July 15, 1980, p. 5. (In Chin.)
39. 乌兰夫。重读周总理在青岛民族工作座谈会上的讲话—纪念周总理诞辰八十二周年 [Ulanhu. Re-Reading Premier Zhou's Speech at the Qingdao National Work Forum (Commemorating the 82nd Anniversary of Premier Zhou's Birth)]. *红旗*, 1980, no. 5, pp. 12—16. (In Chin.)
40. 中共中央印发“关于加强和改进新形势下民族工作的意见” [The Central Committee of the Communist Party of China and the State Council Published “Opinions on Strengthening and Improving Ethnic Work in the New Situation”]. Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2014-12/22/content_2795155.htm (accessed 10.03.2021). (In Chin.)
41. 中国民族关系史纲要/翁独健主编 [The Outline of the History of Chinese Ethnic Relations]. The 2nd Edition. Beijing, 中国社会科学出版社 Publ., 2001, 882 p. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 15.03.2021